

AUG 15 1994

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1891.

Printed in Russia

НЕДѢЛЯ ВЪ САМАРКАНДѢ.

Утромъ 15 мая въ первый разъ локомотивъ подходилъ къ Самаркандскому вокзалу.

Онъ примчалъ насъ отъ Каспійскаго моря черезъ песчанныя пустыни и туркменскія степи; наканунѣ мы переѣхали черезъ древній Оксусъ и привѣтствовали священную Бухару. Предъ нашими изумленными глазами развертывались страницы *Тысячи и одной ночи*; нашъ маленькій парижскій кружокъ тринадцать дней тому назадъ покинулъ бульвары; въ тринадцать дней онъ въ обратномъ направленіи прошелъ переходы того длиннаго пути, на прохожденіе которыхъ цивилизація употребила столько вѣковъ. Последняя картина вполне соответствовала нашимъ ожиданіямъ. Утро сіяло, куполы столицы Тимура поднимались предъ нами, сверкая на солнцѣ въ своей зеленой оправѣ; на горизонтѣ амфитеатръ Алайскихъ горъ вырѣзывался на свѣтлой лазури неба своими снѣжными вершинами; за этою высокою стѣной ледяныхъ скалъ дремалъ таинственный Китай. Торжественный поѣздъ остановился въ центрѣ каре, образованнаго войсками; солдаты взяли на караулъ; музыка играла: „Боже, Царя храни“; духовенство совершало молебствіе; на возвышеніи дамы колоніи привѣтствовали пріѣзжающихъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ сборѣ, въ губернаторскомъ паркѣ, подъ тѣнью карагачей на празднествѣ любезно устроенномъ генераломъ Розенбахомъ. Программа путешествія позволяла намъ остаться въ Самаркандѣ только

недѣлю; недѣля эта прошла въ вихрѣ празднествъ и удовольствій. Обстоятельства были совсѣмъ неблагоприятны для спокойнаго изученія края; я могу дать здѣсь лишь мимолетныя впечатлѣнія, какъ они толпились и мелькали въ нашемъ мозгу, переполненномъ образами и неожиданностями. Не имѣя характера научныхъ изслѣдованій, настоящія замѣтки, быть-можетъ, передадутъ то, что было основною чертой этого единственнаго момента:—внезапное соприкосновеніе двухъ міровъ, неожиданное вторженіе Европы въ древнюю Азію, дотогѣ скрытую покрываломъ и не подававшуюся никакимъ нашимъ попыткамъ проникнуть въ нее.

Самаркандъ въ томъ видѣ, какой придало ему завоеваніе, разделяется на два различные города, стоящіе другъ возлѣ друга. Новый городъ, если можно назвать этимъ именемъ отдѣльныя жилища, разсѣяныя среди садовъ, былъ созданъ Русскими двадцать лѣтъ тому назадъ; онъ занятъ исключительно русскими офицерами, русскими чиновниками и русскими купцами. Низкіе дома, въ мѣстномъ стилѣ, состоятъ изъ ре-де-шоссе и иногда еще одного этажа и возвышаются вдоль широкихъ аллей, обсаженныхъ тополями и акаціями. На противоположной сторонѣ оврага, болѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія, сартскій городъ раскинулся на холмѣ свои великолѣпныя развалины, которыя выдѣляются изъ лабиринта базаровъ и маленькихъ домиковъ мѣстныхъ жителей. Мы осматривали его въ теченіе недѣли; я проводилъ тамъ всѣ часы, остававшіеся у меня свободными отъ празднествъ, парадовъ и официальныхъ визитовъ; но прежде чѣмъ попытаться дать понятіе объ этомъ городѣ, я долженъ сказать, въ какихъ волшебныхъ условіяхъ онъ явился мнѣ въ первый разъ, въ вечеръ нашего приѣзда.

Мы поселились въ домѣ Анненкова, въ новомъ кварталѣ. День прошелъ въ визитахъ; когда наступила ночь, за нами приѣхали тройки. Онѣ, вслѣдъ за джигитами, которые скакали верхомъ съ факелами, умчали губернатора, главныхъ офицеровъ и приглашенныхъ, всего человекъ тридцать, по пустынной и темной дорогѣ, связывающей русское предмѣстье съ туземнымъ городомъ. Предъ нами въ ночномъ небѣ поднималось зарево; громадные

кунолы возникали изъ мрака, эмаль ихъ черепицы сверкала при дрожащемъ отблескѣ пламени. Самаркандъ иллюминировалъ свои памятники, чтобъ отпраздновать открытіе желѣзной дороги. Когда мы стали приближаться къ воротамъ, гулъ толпы охватилъ насъ. Эта буря голосовъ, обмѣнивавшихся словами на незнакомыхъ нарѣчіяхъ, была такъ же таинственна, какъ шумъ вѣтра въ лѣсу. Когда мы миновали ворота, экипажи наши были буквально поглощены человѣческими волнами; джигиты съ большимъ трудомъ пролагали намъ дорогу безжалостно работая нагайками; черезъ нѣсколько минутъ мы уже спускались на Ригистанъ.

Это форумъ азійскаго города, центральная площадь, служащая и для базара, и для собранія въ важныхъ случаяхъ, въ походахъ или возстаніяхъ, а въ обыкновенные дни это мѣсто прогулки для праздныхъ, то-есть почти для всѣхъ жителей Востока. Площадь эта съ трехъ сторонъ замкнута тремя главными медресе (школы). Я скажу дальше, что узналъ изъ послѣдующихъ экскурсій объ архитектурномъ характерѣ и о назначеніи этихъ роскошныхъ школъ. Въ этотъ вечеръ мы не могли различить никакихъ подробностей при капризныхъ отблескахъ костровъ пылавшихъ на Ригистанѣ и при безчисленныхъ площадкахъ обрамлившихъ кровли, но общій видъ декораціи внезапно развернувшейся предъ нашими взорами былъ такъ фантастиченъ и такъ великолѣпенъ, что крики изумленія невольно вырвались у многихъ изъ насъ. Три громадныя фасада вырѣзывались въ небѣ; подъ эмалью разноцвѣтныхъ изразцовъ, которыми они были облицованы отъ основанія до вершины, ихъ гладкія стѣны отражали огни, подобно громаднымъ зеркаламъ съ разноцвѣтными отливками. Въ серединѣ этихъ фасадовъ сводъ паперти образовалъ темное пятно, триумфальную арку, открытую на мракъ убѣгающей ночи. Каждая изъ длинныхъ эмальированныхъ стѣнъ по бокамъ имѣла особую колонну; эти отдѣльные минареты, которые, какъ намъ казалось, діаметромъ и вышиной равнялись приблизительно Вандомской колоннѣ, возносились цѣльными столбами, охваченные голубою фаянсовой кирасой; съ огнями на вершинахъ они казались чудовищными свѣчами, зажженными по угламъ этихъ великихъ могилъ исторіи.

Карнизы и кровли трехъ медресе, такъ же какъ и верхнія галереи и капители минаретовъ, ясно обрисовывались рядами головъ,

обмотанныхъ громадными бѣлыми чалмами, стоявшими неподвижно среди бумажныхъ фонарей и плошекъ; тѣ изъ нихъ, которыя являлись на вершинѣ стѣны, казались тамъ совсѣмъ маленькими и вызывали головокруженіе. Зная исторію и обычаи этой части Азіи, на первый взглядъ можно было бы подумать, что декорация эта выдумана жестокимъ капризомъ какого-нибудь эмира и что палачъ только-что повѣсилъ на всѣхъ выступахъ медресе головы тысячъ казненныхъ.

Это были зрители, которые не находили уже мѣста на землѣ Ригистана, гдѣ и булавокъ было бы некуда упасть. Десять или двѣнадцать тысячъ головъ, терявшихся подъ величественными складками одинаковыхъ турбановъ, колебались около эстрады, куда насилу втокнули насъ, всѣ были драпированы въ шелковые одежды яркихъ цвѣтовъ. За нами, съ единственной открытой стороны квадрата, народъ толпился въ досчатыхъ лавочкахъ, служащихъ днемъ для торговли фруктами; въ глубинѣ этихъ импровизированныхъ ложъ можно было угадать женскія фигуры подъ массой болѣе темныхъ тканей непроницаемыхъ для взгляда. Я не нахожу словъ, чтобы выразить живописность и оригинальность каждаго лица, каждой одежды, выступавшей изъ тѣни при игрѣ пламени. За исключеніемъ нашего маленькаго общества, человекъ тридцати Европейцевъ, тамъ не было ни одного лица, ни одного клочка матеріи, который напоминалъ бы вещи знакомыя на Западѣ; а глядя на то, какъ работали нагайками въ этой шумной толпѣ наши джигиты, невольно приходило въ голову, что этимъ побѣжденнымъ довольно было бы одного напора, чтобы отпраздновать на нашъ счетъ „самаркандскую вечерню“.

Но Сарты и не помышляли объ этомъ. Все ихъ вниманіе было поглощено зрѣлищемъ *томаши* (это слово, такъ же какъ и то, что имъ обозначается, заимствовано изъ персидскихъ обычаевъ). Акробаты и танцовщики мимически изображали охоту на жирапа, балетъ, который съ незапамятныхъ временъ забавляетъ народы Ирана. Хорегъ—это волшебникъ очень злобщій, въ своемъ черномъ одѣяніи, усѣянномъ огненными языками, подъ острою шапкой, въ уродливой маскѣ, скрывающей его черты. Съ жезломъ въ рукѣ онъ преслѣдуетъ молодыхъ мальчиковъ, переодѣтыхъ дѣвочками. Когда колдуну удастся схватить одну изъ этихъ жертвъ, онъ уноситъ ее, а она воетъ

отъ ужаса; онъ дѣлаетъ видъ, что бросаетъ ее на костеръ, красные отблески котораго придаютъ маскамъ зловѣщую реальность кошмара. Кислая, жалобная музыка опредѣляетъ ритмъ этихъ упражненій; ее покрываютъ крики веселія или ужаса толпы. Къ счастью для нашихъ дамъ, онѣ не понимаютъ діалога актеровъ, подчеркнутаго шутками зрителей; въ немъ свободно сказывается персидское неприличіе. Мы съ сожалѣніемъ отрываемся отъ зрѣлища, которому я не нахожу подобныхъ въ моей памяти. Я провелъ много лѣтъ на турецкомъ Востокѣ; привычка пріучила меня ко всѣмъ живописнымъ сценамъ въ Константинополѣ, въ Каирѣ, въ Сиріи. Ничто не пріучило, ничто не подготовило меня къ этому видѣнію пылающаго Ригистана, служащаго рамой для его величественныхъ памятниковъ и для народовъ Средней Азіи. Въ другихъ мѣстахъ люди и вещи вездѣ уже тронуты нашею западною цивилизаціей, умъ никогда не теряется вполне; здѣсь же, въ самомъ дѣлѣ, другой міръ вдругъ возникалъ предъ моими глазами въ фантастическихъ картинахъ этой ночи. Не забудьте, что утромъ локомотивъ доставилъ насъ къ новому кварталу, который слегка обманулъ моп надежды,—такъ мало онъ отличается отъ губернскаго города Европейской Россіи. Мы вернулись въ него оставивъ праздникъ. Между тѣмъ, какъ карета катилась въ молчаніи и во мракѣ аллеи, между тѣмъ, какъ мы заканчивали вечеръ ужиномъ, въ паркѣ резиденціи, съ приглашенными, которые разспрашивали насъ по-французски о парижскихъ новостяхъ, я серьезно спрашивалъ себя, не была ли внезапная картина, которую я предъ тѣмъ видѣлъ, обманомъ мопхъ чувствъ. Еслибы надо было уѣхать изъ Самарканда въ тотъ же вечеръ, у меня еще остались бы серьезные сомнѣнія въ свѣдѣтельствѣ моихъ глазъ о дѣйствительности этой незабываемой фееріи.

Въ слѣдующіе дни при разумномъ солнечномъ освѣщеніи образы воплотились и приняли опредѣленные формы. Они уже не поражали насъ, какъ ночное сновидѣніе, но удивленіе и постоянное впечатлѣніе величественности остались. Зная, что самаркандскіе памятники были выстроены архитекторами, вызванными изъ Ирана, я ожидалъ найти въ нихъ нѣсколько пысканное изящество персидскаго искусства. Совсѣмъ наоборотъ; величіе и простота линий составляютъ отличительныя черты этой архитектуры. Насколько можно объяснить тѣмъ же духомъ

различныя творенія, духъ Рима и Версаля вызвалъ изъ земли эти зданія. Въ этихъ каменныхъ горахъ есть видъ господства и спокойнаго величія; иная полуразрушенная мечеть заставляетъ мыслить такъ же, какъ термы Каракалы. Иногда чудится, что восточный Людовикъ XIV внушилъ эти благородные профили. Я не стану утомлять читателя техническими описаніями. Медресе или мечети — все это памятники того же стѣля и представляютъ то же внѣшнее распредѣленіе. Громадныя ворота господствуютъ надъ квадратнымъ фасадомъ и занимаютъ большую его часть; смѣлостью и красотой пропорцій эти своды отнюдь не уступаютъ воротамъ султана Гассана въ Капрѣ. Они приглашаютъ народъ войти въ храмъ молитвы и въ храмъ науки. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ восемнадцать метровъ вышины отъ основанія до вершины свода и двѣнадцать метровъ разстоянія у начала этого свода. Въ медресе сводъ выходитъ на паперть, засаженную деревьями и окруженную чѣмъ-то въ родѣ монастыря, гдѣ помѣщаются кельи студентовъ. Внутренность мечетей имѣетъ форму квадрата, поверхность котораго находится барабанъ поддерживающій куполь. Эти великолѣпные куполы отчасти разрушены, широкія отверстія видны въ стѣнахъ, которыя еще поддерживаютъ ихъ. Мечети служатъ складами, магазинами для провіанта; стаи стрижей поднимаются при звукѣ нашихъ шаговъ и улетаютъ въ пустыя медресе.

Самаркандскіе памятники главною своею оригинальностью обязаны эмальированнымъ изразцамъ, которые совершенно покрываютъ ихъ. На внѣшнихъ стѣнахъ, на куполахъ, на отдѣльных колоннахъ, которыя попарно сопутствуютъ большимъ зданіямъ, вездѣ фаянсовая мозаика развѣтываетъ свои вѣтви, свои цвѣты, свои изреченія въ кувическихъ надписяхъ. Господствующіе тоны голубой и зеленой; повидимому выборъ подсказанъ былъ архитекторамъ средой, гдѣ взоръ вплоть до горизонта схватываетъ только два цвѣта, роскошную зелень долины Зарафшана и лазурь неба Азіи. Полюбівшая гармонія вытекаетъ изъ этого согласія между намѣреніями челоѣка и природы.

Самыя знаменитыя и лучше всего сохранившіяся медресе находятся вокругъ Ригистана. Это Тилла-Карп. „одѣтая золотомъ“ и Ширъ-Даръ, „два льва“, — такъ называемая потому, что на глазированныхъ черепицахъ фасада, по персидскому обычаю, изобра-

жены два льва,—Улу-Бегъ, бывший астрономическою обсерваторіей и центромъ математическихъ наукъ въ имперіи Тамерлана. Эта группа зданій представляетъ для насъ Сорбонну мусульманской Азіи, обширный научный центръ, которому Самаркандъ обязанъ своимъ интеллектуальнымъ первенствомъ, начиная съ XV вѣка. Отъ этого центра остаются одни только камни. Тамъ едва слышенъ иногда гнусливый голосъ ходжи, среди развалинъ поясняющаго Коранъ нѣсколькимъ шалунамъ. Еще болѣе пустынно медресе Биби-Ханума, расположенное выше на площади противъ мечети того же имени. Тамерланъ основалъ эти благотворительныя учрежденія въ честь послѣдней жены своей китайской принцессы, на которой онъ женился шестидесяти трехъ лѣтъ. Здѣсь обветшалые куполы позволяютъ видѣть небо сквозь зияющія отверстія. Изнутри эмальпрованный сводъ кажется покрытымъ заплатами другаго голубаго оттѣнка. Тучи воронъ покидаютъ свои гнѣзда, расположенныя подъ навѣсами свода, при крикахъ сопровождающихъ насъ маленькихъ Сартовъ. Эти мальчишки съ прелестнымъ лицомъ и оживленнымъ выраженіемъ показываютъ намъ на фонтанѣ, среди площади, мраморную доску, протертую отъ прикосновенія паломниковъ; калѣпки, нищія, покрытыя ранами, набожно трутся о чудодѣйственный камень, который обладаетъ свойствомъ исцѣлять болѣзни. Было бы любопытно, еслибъ этотъ кусокъ мрамора оказался тѣмъ самымъ, о которомъ говоритъ Марко-Поло, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ самаркандское чудо. Путешественникъ рассказываетъ, что, когда христіане получили разрѣшеніе выстроить церковь, они похитили у магометанъ камень, который могъ бы служить базисомъ колонны. Первоначальные собственники потребовали его обратно, произошло столкновеніе, христіане предложили уплатить соотвѣтствующую цѣну; но магометане „по злобѣ и въ надеждѣ, что церковь совершенно рухнетъ, если вытащить этотъ базисъ“, отказались ото всякаго соглашенія и силой взяли спорный предметъ изъ-подъ колонны, которую онъ поддерживалъ. Христіане прибѣгли къ Іоанну Крестителю со слезами, молясь ему, „и Господу было угодно, чтобы совершилось совсѣмъ не то, чего ожидали мусульмане, ибо колонна продолжала стоять на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ отъ земли и, не будучи поддержана, осталась въ этомъ положеніи по всемогуществу Божію: чудо это продолжается и до сихъ поръ.“ Какъ знать, не продолжается

ли оно и теперь вмѣстѣ съ другими дѣйствіями, приписываемыми этому самому камню, освѣщенному чудеснымъ преданіемъ? Это было бы однимъ изъ тысячи примѣровъ неизмѣнности предметовъ почитанія, сохраняющихъ на Востока ихъ традиціонную силу— даже тогда, когда другое вѣрованіе присвоило ихъ себѣ и обратило эту силу на собственную пользу.

Третья группа памятниковъ занимаетъ холмъ Шахъ-Зинде. Ступени длинной лѣстницы ведутъ на вершину этого холма; на каждой площадкѣ могила или часовня, посвященная какому-нибудь святому мусульманину. Въ орнаментации этихъ молельныхъ лучше всего можно любоваться искусствомъ персидскихъ серамистовъ; на внѣшней и внутренней облицовкѣ эмальированныя плитки въ отгѣнкахъ и въ мотивахъ разнообразятся до безконечности; они воспроизводятъ съ невыразимою граціей флору Азіи, сочетаніе геометрическихъ фигуръ и орнаментныхъ буквъ, вытѣпленныхъ рельефомъ на фризахъ. Есть чѣмъ наполнить цѣлый музей и возобновить всѣ образцы декоративнаго искусства. Лѣстница кончается на высотѣ самаго драгоцѣннаго изъ этихъ сокровищъ— маленькой мечети Шахъ-Зинде, „спящаго царя“. Это мѣсто погребенія стариннаго защитника ислама; согласно народному вѣрованію, усоншій долженъ когда-нибудь проснуться и снова покорить міръ вѣрѣ пророка. Если судить по тому, что я видѣлъ тамъ, день его пробужденія настанетъ не скоро. Это было въ пятницу, въ часъ молитвы; улемы и еще нѣсколько набожныхъ лицъ перебирали четки на настилкахъ передъ рѣшеткой, гдѣ прикрѣплены всякія реликвиі, лохмотья одежды, волосы изъ бороды святаго.

Правовѣрные посмотрѣли на нашъ приходъ съ восточнымъ равнодушіемъ. Въ ихъ глазахъ была бездна покорности и унынія. Они не потребовали даже, чтобы мы сбросили обувь, какъ это требуется по закону въ самой ничтожной мечети оскверненнаго Стамбула. Русскіе властиители проникаютъ въ это святилище и находятся въ немъ, какъ у себя дома, говорятъ громко, вводятъ туда своихъ женъ и подаютъ иногда милостыню сторожамъ, которые дрожатъ предъ ними. Мы въ Европѣ составляемъ себѣ совершенно ложное понятіе о такъ-называемомъ фанатизмѣ, который будто бы живъ еще въ этихъ мусульманскихъ очагахъ Самарканда и Бухары. Все выдаетъ здѣсь ослабленіе вѣры, подчиненіе вѣрующихъ неизбѣжному року; нигдѣ я до такой степени

ясно не чувствовалъ медленной смерти ислама, спящаго такъ же глубоко, какъ и боецъ его Шахъ-Зинде.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, достигаешь *мазара*—кладбища туземцевъ, разстилающагося на площадкѣ, откуда оно господствуетъ надъ Самаркандомъ и его долиной. Какъ и всѣ азіятскія кладбища, это необработанное, голое поле; могилы, глиняныя насыпи, раскинуты на немъ въ безпорядкѣ; тѣ пзъ нихъ, которыя принадлежать дервишамъ, оставившимъ послѣ себя нѣкоторую память, обозначены тугомъ—палкой, съ которой висятъ лошадиные хвосты. Развалины старинныхъ молель и всевозможные обломки придаютъ еще болѣе унылый видъ этому мѣсту. Если опустить глаза—здѣсь все мрачно; если поднимешь ихъ—все сіяетъ; взоръ теряется въ океанѣ зелени на излучинахъ Зарафшана; на первомъ планѣ гора Чанабота; дальше ледники и снѣжныя вершины горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Китая. Въ эту сторону я чаще всего направляюсь во время моихъ вечернихъ прогулокъ верхомъ. Когда заходящее солнце бросаетъ свои лиловые или розовые отблески на лѣсистыя склоны и на гребни, расположенные амфитеатромъ, контрастъ поразительнѣе между величьемъ всего окружающаго и этою человѣческою бойней, гдѣ коршуны упорно клюютъ кости. А этотъ несчастный народъ, который спитъ покинутый, совершенно мертвый, мертвый со своею неизвѣстною исторіей, мертвый со всѣми надеждами его вѣры и племени; ему кажется такъ нуженъ кто-нибудь, кто бы пришелъ чувствовать надъ нимъ, за него, кто-нибудь, кто возстановилъ бы мысленную связь между погребенными и горизонтомъ счастливаго свѣта, который они любили.

Обыкновенно единственная мысль, которая проходитъ надъ этими могилами не такого рода, чтобъ утѣшать ихъ; она несется по телеграфнымъ проволокамъ, которыя идутъ отсюда по дорогѣ въ Ташкентъ и передаютъ повелѣнія побѣдителей. Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ мертвые мазара пробудились отъ русскихъ пушекъ, прибывшихъ по этой ташкентской дорогѣ и поставленныхъ ботареей на этомъ кладбищѣ. Городъ сдался генералу Кауфману. Онъ оставилъ въ немъ двѣ роты и углубился въ страну въ погонѣ за войсками эмира. Какъ только онъ достаточно удался, жители Самарканда возмущились, и маленькій гарнизонъ оказался въ серьезной опасности. Кауфманъ вернулся вовремя, чтобъ освободить своихъ солдатъ, осажденныхъ въ

цитадели. Онъ подвергъ мятежниковъ образцовому наказанію. Съ тѣхъ поръ никто не двинулся и умиротвореніе полное.

Цитадель эта, теперь служащая главною квартирою русскаго оккупационнаго корпуса, та же самая, которая служила для военныхъ упражненій Тамерлану. Арка, какъ ее называютъ, сохранилась неприкосновенною, ничего не измѣнилось въ главномъ дворѣ, гдѣ повелитель Азіи принималъ своихъ вассаловъ и пословъ отъ королей-просителей. Въ глубинѣ этого двора виденъ *Коктагъ*, большая мраморная глыба, которую онъ велѣлъ доставить изъ Брусы. Онъ поднимался на вершину этого трона, становя ноги свои на плечи плѣнниковъ; отсюда онъ наблюдалъ за казнями: палачъ срубалъ головы на краю каменнаго бассейна, поставленнаго противъ *Коктага* на противоположномъ концѣ двора.

Гуръ-Эмиръ, могила Тамерлана, поднимается на незначительномъ разстояніи, въ оградѣ, гдѣ большія тутовые деревья бросаютъ тѣнь на паперть, прилегающую къ мечети. Это самое изящное изъ зданій этой эпохи. Приближаясь къ Самарканду, прежде всего видишь въ зелени блескъ косоугольныхъ черепицъ купола, суживающагося къ основанію надъ стройнымъ поддерживающимъ его барабаномъ; со своими цилиндрическими жолобами, онъ напоминаетъ громадный татарскій турбанъ. Я увѣренъ, что здѣсь надо искать первый источникъ куполовъ того же стиля, покрывающихъ московскія колокольни. Въ центрѣ мечети нефритовый камень покрываетъ гробницу того, который назывался Сайбъ-Киранъ, владыка времени. Вокругъ него покоятся его жены, нѣкоторые изъ его потомковъ и его наставникъ. Стягъ побѣдителя наклоненъ по направленію къ Меккѣ; надписи, провозглашающія его славу, стираются на разрушающихся стѣнахъ.

Этотъ Тимуръ-Ленкъ, желѣзный хромецъ, былъ самою удивительною изъ живыхъ силъ, когда-либо потрясавшихъ тяжелую землю. Онъ до сихъ поръ заставляетъ насъ удивляться ему тою темною половиною нашего существа, гдѣ живетъ еще плохо подавленный дикарь, который хоронится во всѣхъ насъ, этотъ дикій звѣрь, равнодушный ко всѣмъ приобрѣтеніямъ недавней исторіи, къ нравственнымъ законамъ, къ разуму, къ цивилизаціи, соблазненной единственно тѣмъ, что составляло идеалъ въ первобытномъ лѣсу, великолѣпное хищное животное, одаренное бѣльшимъ могу-

ществомъ, чѣмъ другія, и внушающій ужасъ окружающему. Въ рѣдкія мунуты отдыха, доставляющіяся нашему каравану, я у Гаммера перечитываю эпопею Тимура. Это былъ мелкій монгольскій князь, вышедшій изъ ничтожества, но которому суждено было всего достигнуть его повелительною вѣншностью и выдающимся способностями. Волосы, сѣдые отъ природы, покрывали широкой и высокой лобъ; онъ былъ строенъ, поступь его благородна, несмотря на то, что онъ хромалъ отъ раны, полученной имъ при осадѣ Спстана. Всегда серьезный, онъ не любилъ ни поэтовъ, ни шутовъ, но очень уважалъ врачей, астрономовъ, юристовъ. Лагерь его былъ переполненъ учеными и музыкантами; онъ едва умѣлъ читать и писать и несмотря на это составлялъ дорогія библіотеки и любилъ разсуждать о тонкостяхъ закона и слушать исторію знаменитыхъ воиновъ. Удивительная память замѣнила ему недостатокъ образованія. Никогда онъ не отказался отъ своего плана, никогда не отмѣнилъ своего приказанія; то, что онъ рѣшилъ, было для него какъ бы совершившимся фактомъ. Дисциплинированныя имъ толпы поклонялись ему, какъ богу; каждый изъ его солдатъ съ радостью умеръ бы по одному его знаку.

Его неутомимая дѣятельность не допускала покоя: онъ вертѣлся въ обширной Азіи, какъ дикій звѣрь въ своей клѣткѣ, съ каждымъ годомъ отодвигая границы имперіи, которая простиралась отъ Китая до Волги, отъ Чернаго Моря до Индійскаго океана. Въ теченіе его кратковременныхъ пребываній въ Самаркандѣ, онъ охотился на лебедей въ болотахъ Бухары и перестраивалъ свою столицу при помощи архитекторовъ, привезенныхъ имъ изъ Персіи и Индіи. Тѣ памятники, которыми мы можемъ еще любоваться, даютъ только слабое понятіе о томъ, чѣмъ былъ этотъ городъ, когда старинная ограда его была полна мраморными дворцами, теперь уже разрушенными. Онъ слѣлалъ изъ Самарканда художественный и научный Римъ, въ томъ смыслѣ, какой имѣютъ эти слова на Востокѣ. Въ теченіе долгаго времени со всей Азіи стекались туда искать свѣта истинной вѣры, уроковъ искусства, математики и тайныхъ наукъ. Любя великое, онъ проявлялъ эту любовь вездѣ, даже въ жестокости, которая въ этой странѣ есть обычная необходимостъ верховной власти. Послѣ взятія Зебевара предъ нимъ выстроили живую башню изъ двухъ тысячъ возмущившихся, которые были поставлены одинъ на другаго и скрѣплены камнями и известью.

Въ Сивасѣ все христіанское населеніе было погребено подъ по-мостами, покрытыми утрамбованною землею. Такая жестокость поражаетъ наше воображеніе; это мѣстные нравы. Тамерланъ слѣдовалъ преданію, и вплоть до нашихъ дней его наслѣдники дѣлали, что могли, чтобы подражать ему; если они не поравнялись съ нимъ, то это потому только, что они убивали лишь по мѣрѣ собственнаго могущества, несравненно меньшаго.

Какъ мало измѣнился человѣкъ въ этомъ краю свѣта. Персидскій лѣтописецъ Миркондъ рассказываетъ намъ, какъ жили тамъ во времена Саманидовъ эмиры, которые вели споръ изъ-за Самарканды въ IX и X вѣкѣ. Миркондъ говоритъ о Кабузѣ, самомъ знаменитомъ изъ нихъ: „наказанія, къ которымъ онъ присуждалъ, исполнялись только остріемъ меча; у него не было другой тюрьмы кромѣ могилы“. Эти феодальные эмиры вели войну, чтобы увеличить свою казну, чтобы добыть себѣ женъ. Когда они возвращались въ свой дворецъ послѣ счастливаго похода, ихъ существованіе дѣлилось между гаремомъ, совѣщаніями съ астрологомъ, философическими спорами ученыхъ и нескончаемыми сказками поэтовъ. Такова была, еще не много лѣтъ тому назадъ, жизнь эмировъ Бухары, Хивы и Кокана. Потребности относительно роскоши вельможъ не измѣнились со времени Саманидовъ, вплоть до теперешнихъ данниковъ Россіи. Казна бухарскаго хана состоитъ изъ тѣхъ же сокровищъ, которыми гордились тысячу лѣтъ тому назадъ Кабузъ и Мунъ-Тасиръ: ковры для мебелировки, серебряные и золотые кувшины рѣзные, по одному образцу, дорогое оружіе и лошади, множество парчевыхъ или мѣховыхъ халатовъ. Востокъ не мѣняется потому, что ему незнакомо то начало тревоги, которое непрерывно волнуетъ Западъ. Эти народы имѣютъ мудрость, а мы—жизнь; мы полезное и безумное орудіе прогрессивной жизни.

Въ первый разъ Чингисъ-хану удалось собрать въ одно цѣлое всѣ анархическіе элементы Центральной Азіи; это удалось ему такъ же, какъ циклону удается нагромоздить волны бѣшенымъ порывомъ, при условіи постояннаго движенія впередъ, и лишь на короткое время. Послѣ него царство его распалось очень скоро. Тамерланъ возсоздалъ это царство, работа его продержалась нѣсколько дольше; Самаркандъ продолжалъ процвѣтать при его ближайшихъ наслѣдникахъ, но не прошло и столѣтія, какъ Азія опять впала въ анархію и прозябала въ ней до русскаго

завоеванія; эти прекрасныя долины опустошались поочередно вымогательствомъ бухарскихъ эмировъ, отместками коканскихъ, набѣгами мервскихъ Туркменовъ. Московскій миссіонеръ, посѣтившій Самаркандъ въ концѣ XVIII вѣка, нашель тамъ только одного жителя. Самаркандъ ожилъ въ нашемъ вѣкѣ: Вамбери, единственный христіанинъ, проишедшій туда до 1867 года, нашель его не ниже того, что ожидалъ, судя по молвѣ. Въ настоящее время народонаселеніе увеличивается вмѣстѣ съ безопасностью и развитіемъ торговыхъ сношеній. Самаркандъ насчитываетъ, говорятъ, отъ тридцати до сорока тысячъ душъ. Я выдаю эти цифры за то, чего онѣ стоятъ: на Востокѣ статистика есть наука основанная на догадкахъ.

Народонаселеніе это дѣлится по племенамъ на три группы: Узбеки, представители чистой монгольской расы, которыхъ можно узнать по ихъ выдающимся скуламъ, по ихъ маленькимъ, узкимъ глазамъ; Таджики, потомки персидскихъ переселенцевъ, представляющие иранскій типъ во всей его красотѣ; Сарты, происходящіе отъ смѣшенія этихъ двухъ расъ. Эти метисы составляютъ большинство; общимъ именемъ Сартовъ называютъ обыкновенно туземцевъ Самарканда и сосѣднихъ долинъ. Иностранные купцы, Еврей, Афганцы, Индусы довольно многочисленны на базарахъ. Базары эти совсѣмъ не отличаются роскошью; во всѣхъ лавочкахъ мы встрѣчаемъ, съ небольшими вариантами, товары, удовлетворяющіе ограниченнымъ потребностямъ азіатской жизни; ковры, шелковыя матеріи, сѣдла, мѣдные предметы, глиняную посуду, на которыхъ увѣковѣчились старинные персидскіе рисунки.

Весь интересъ Самарканда въ его развалинахъ; обитаемые кварталы незначительны и видъ имѣютъ жалкій. Низкія глиняныя или землебитныя жилища толпятся въ безпорядкѣ и похожи другъ на друга, какъ стадо барановъ въ степной пыли. Они скрываютъ отъ взоровъ несложную жизнь своихъ обитателей. Заключение женщинъ строго соблюдается; онѣ выходятъ только закутанныя съ ногъ до головы въ мѣшокъ изъ черной матеріи; въ теченіе нашихъ прогулокъ мы едва встрѣтили двухъ или трехъ такихъ привидѣній. Чтобы судить о прекрасномъ полѣ, надо идти по длинной улицѣ, предназначенной для особой категоріи торговли; тамъ ничего не прячуть, и свободно занимаются единственнымъ промысломъ, дозволеннымъ мусульманскимъ женщинамъ.

Сгруппированныя у воротъ или на досчатыхъ подмосткахъ, размалеванныя рѣзкими красками, увѣшанныя грубыми украшеніями, онѣ поютъ и сами себѣ аккомпанируютъ, подзадориваютъ русскихъ солдатъ, которые смотрятъ на нихъ, или ждутъ неподвижно присѣвъ, съ безконечною скукой въ своихъ животныхъ глазахъ. Это безжизненная и грубая Венера Востока безъ луча граціи. Я былъ пораженъ низкимъ уровнемъ женщинъ у Сартовъ въ эстетическомъ отношеніи; наоборотъ, всѣ юноши, которыхъ встрѣчаешь тамъ, повидимому созданы на радость скульптору; античное искусство не оставило болѣе прекрасныхъ образцовъ.

Колпчество сельскаго населенія въ долинѣ Зарафшана, древней Согдіаны, опредѣляютъ приблизительно въ триста тысячъ человѣкъ. Я могъ составить себѣ понятіе объ этихъ богатыхъ деревняхъ во время нашей поѣздки въ село Ургутъ. Это прелестная мѣстность, укрывшаяся на первыхъ откосахъ горъ, въ тридцати верстахъ отъ Самарканда. Снѣжная твердыня Алая, видимая отсюда вполнѣ, своимъ гребнемъ какъ кружево вырѣзывается на бирюзовомъ небѣ. Изъ ея ледниковъ спускается источникъ, съ журчаньемъ падая въ прозрачный прудъ, гдѣ онъ на минуту отдыхаетъ, прежде чѣмъ увеличить собою мутныя волны Зарафшана. Нѣсколько человѣкъ молятся въ маленькой деревянной мечети, на берегу воды, подъ сводами громадныхъ платановъ, напоминающихъ собою Босфоръ. Имамъ и его товарищи приносятъ намъ сластей, рису и жареной баранины. Мы намекаемъ ему на то, что хорошо было бы прибавить прекрасныхъ форелей, которыя рѣзвятся въ садкѣ; онъ отказывается и умоляетъ насъ не касаться ихъ, онѣ находятся подъ защитой мечети, ихъ кормятъ съ религиозною заботливостью. На сосѣднемъ лугу поселяне Ургута даютъ намъ зрѣлище своихъ традиціонныхъ увеселеній: бой куропаатовъ и *баша*, это что-то въ родѣ турнира, гдѣ ярко рисуются воинственные и разбойничьи нравы ихъ предковъ. Состязующіеся вскакиваютъ на своихъ маленькихъ туркменскихъ лошадей и раздѣляются на два лагеря; между обоими отрядами ставятъ козленка,—призъ сраженія,—они кпаются другъ на друга и дерутся изъ-за этой добычи. Самые быстрые поочередно хватаютъ животное и уносятъ его на хребтѣ своихъ лошадей, его вырываютъ у нихъ, онъ отбивается и возвращается снова; это бѣшеная потасовка, часто опасная, гдѣ всячески дерутся и бранятся. Сѣдобородые старши не менѣе горячи въ ней чѣмъ юноши и, какъ наѣздки,

не хуже молодыхъ. Борьба кончается, когда одна изъ сторонъ отказывается отъ надежды вернуть отъ другой растерзанные куски козленка. По всей дорогѣ, которую мы ѣхали, фруктовые сады и поля слѣдуютъ другъ за другомъ, около фермъ, огороженныхъ стѣнами изъ высушеннаго ила. Видѣнность этихъ фермъ и крестьянъ, которые отсюда выходятъ, одѣтые въ длинную бумажную рубашку, влажный черноземъ, урожай, который онъ даетъ, способы эксплуатаціи, все здѣсь напоминаетъ долину Нила и прилежный трудъ феллаховъ. Сарты орошаютъ свои маленькія поля такъ же, какъ Египтяне; они роютъ каналы желѣзными лопатами, имѣющими форму трехъугольныхъ щитовъ; рукоятка ихъ прикрѣплена горизонтально къ ихъ верхнему концу. Постоянно залитая жирною водой, которая уносится этими тысячами артерій, почва даетъ нѣсколько жатвъ каждое лѣто; рисъ и хлопокъ чередуются съ люцерной и трезолью, виноградныя лозы обвиваютъ стволы тополей и ивъ. Въ Россіи возлагаютъ большія надежды на этотъ роскошный садъ Средней Азіи и надѣются, что производство хлопка сдѣлаетъ русскія фабрики независимыми отъ американскаго ввоза; прядильный матеріалъ, ввезенный изъ Азіи и обработанный въ Москвѣ, возвратился бы въ Азію для одѣянія воздѣлывающихъ его народовъ. Между Аму-Даріей и Каспійскимъ моремъ хлопчатобумажные тюки уже поддерживаютъ желѣзнодорожную торговлю болѣе, чѣмъ позволяли надѣяться самыя оптимистическія предположенія. Мѣстные вина, когда они будутъ лучше выдѣлываться, въ Петербургѣ представятъ, можетъ-быть, серьезную конкуренцію для нашихъ; мы пили ташкентское вино, которое вовсе не плохо. Данъ толчекъ мѣстнымъ производствамъ. Увы, улы, еще немного лѣтъ, и около Гурь-Эмира появятся фабрики; ихъ черныя трубы подымутся тамъ, гдѣ обваливаются минареты, эмальпрованные лазурью. Развѣ я не видѣлъ, какъ танцуютъ при электрическомъ свѣтѣ на станціи желѣзной дороги въ Самаркандѣ? Да, эти дни, такіе полные воспоминаніями, оканчиваются балами въ офицерскомъ клубѣ, у губернатора, на дебаркадерѣ. Утромъ, побывавъ во дворцѣ современниковъ Тамерлана, вечеромъ переносишься за семьсотъ миль и шесть или семь столѣтій; находишься опять на праздникѣ изящнаго общества, на Островахъ или въ Петербургѣ. Мы забыли бы, что мы въ Азіи, еслибы важныя лица нѣсколькихъ Сартовъ не выглядывали изъ-за загородей садовъ, гдѣ танцуютъ, и не смотрѣли

съ мечтательнымъ видомъ на вальсъ западныхъ пэри. Эти отдаленные зрители напоминаютъ намъ, что въ этомъ уголкѣ земли двѣ рѣки текутъ еще рядомъ, не смѣшивая своихъ воды; скоро та изъ нихъ, которая глубже и быстрѣе, поглотитъ другую. То, что не измѣнится надъ обновленными людьми, это небо Азіи, темное и прозрачное, разстилающееся надъ нашими головами со своимъ сокровищемъ звѣздъ, блескъ которыхъ смягченъ, какъ въ старинныхъ потертыхъ золотыхъ монетахъ. Ночь тепла и прозрачна; листья акаціи и карагача постоянно дрожать подъ ласками незамѣтнаго вѣтерка, это сіяніе и эта музыка снисходительно спускаются на веселіе бала, на электрическіе огни и на человѣческую музыку, прославляющую мелкія земныя событія.

Я покидаю Самаркандъ и Азію съ искреннимъ удивленіемъ предъ тѣмъ, какъ Русскіе выполняютъ свою историческую задачу, съ нѣкоторою грустью, когда сравниваю ихъ успѣхъ съ неудачами, которыя мы въ теченіе полувѣка встрѣчаемъ въ нашихъ мусульманскихъ владѣніяхъ. Уполномоченные Царя являютъ къ его новымъ подданнымъ не съ европейскимъ кодексомъ въ одной рукѣ и съ перечнемъ налоговъ въ другой; туземцу останяютъ его религіозные и гражданскіе законы, его судей, его организацію; его едва облагаютъ. Туркменъ платитъ полтора рубля съ человѣка тамъ, гдѣ русскій переселенецъ, живущій съ нимъ рядомъ, платитъ болѣе восьми. Господствующее племя онъ видитъ только въ мундирѣ, власть является ему только въ военномъ блескѣ, единственномъ, который онъ понимаетъ и уважаетъ. Правительство возстановляетъ мечети, собираетъ вождей въ Кремлѣ при императорскихъ торжествахъ; они возвращаются подъ впечатлѣніемъ предупредительности, ослѣпленные могуществомъ Бѣлаго Царя. Наконецъ, и въ этомъ особенно лежитъ тайна этой быстрой ассимиляціи, Россія входитъ въ соприкосновеніе со своими азіатскими подданными черезъ посредство наименѣе цивилизованныхъ элементовъ; казаки, отправляющіеся въ Азію для основанія земледѣльческихъ колоній, не превосходятъ въ этомъ отношеніи первоначальныхъ владѣльцевъ земли. Они

скоро понимаютъ другъ друга; между прежнимъ и новымъ населеніемъ нѣтъ того отдаленія въ чувствахъ, въ умственномъ развитіи, въ образѣ жизни, которое не обходится безъ нѣкотораго пренебреженія и нѣкоторой жестокости со стороны цивилизованнаго къ стоящему ниже его. Врожденная гордость мусульманина не оскорбляется превосходствомъ, котораго онъ не можетъ понять; когда превосходство это является ему. — оно является изъ-за меча, который въ глазахъ такого человѣка его оправдываетъ.

Е. М. де-Вогюз.